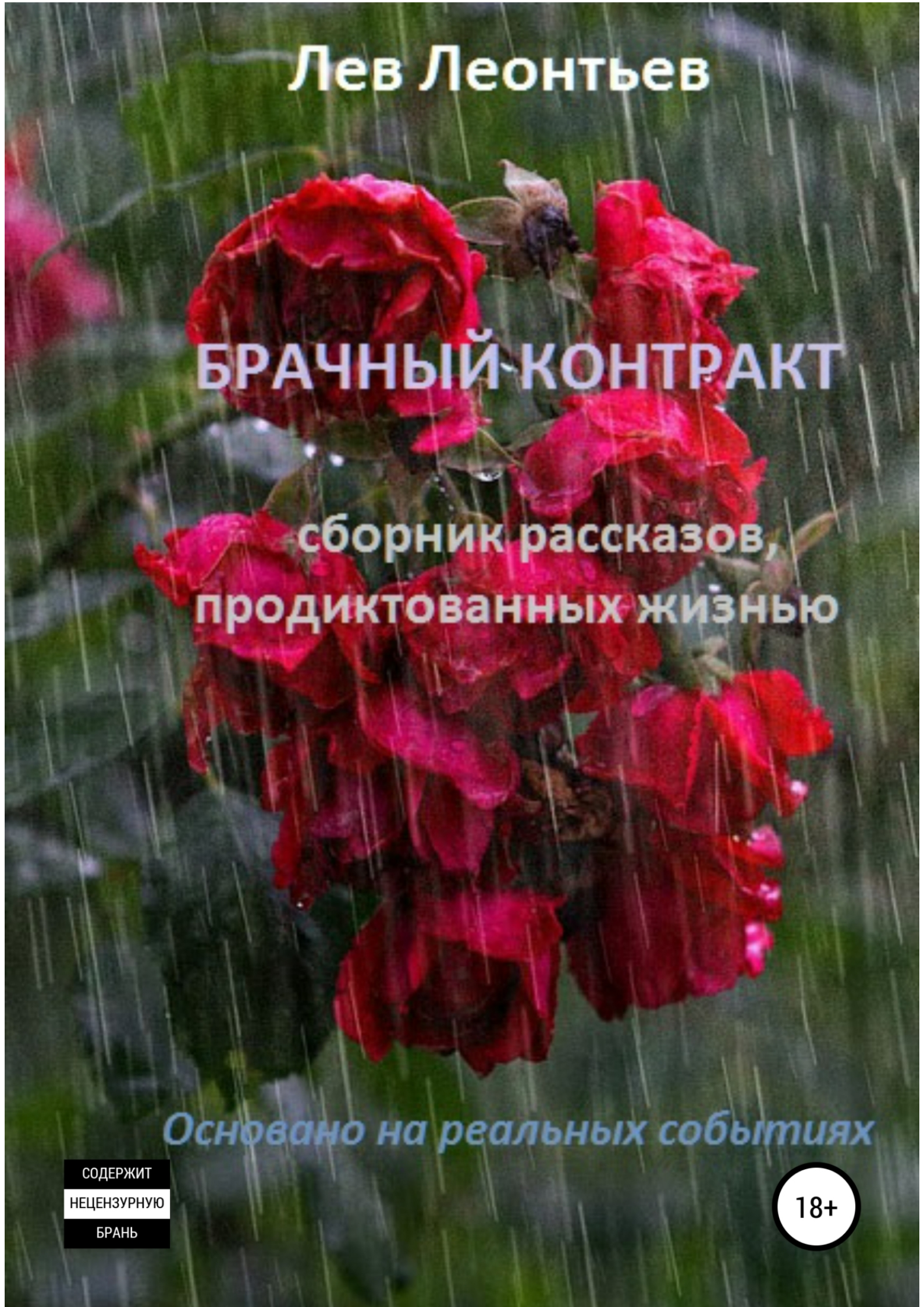

Лев Леонтьев

БРАЧНЫЙ КОНТРАКТ

сборник рассказов,
продиктованных жизнью

Основано на реальных событиях

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Лев Леонтьев

Брачный контракт

«Автор»

2021

Леонтьев Л. Н.

Брачный контракт / Л. Н. Леонтьев — «Автор», 2021

В сборник вошли рассказы, почти все из которых основаны на реальных событиях, при этом имена всех героев являются вымышленными. Рассказы «Колесо» и «Не губите цветы!..» приснились автору в ярких подробностях. Автору снились и другие «фильмы», их следовало записать незамедлительно – сразу после пробуждения ранним утром (около трёх часов тридцати минут). Оборвалась цепочка удивительных сновидений после того, как автор поленился записывать рассказ, отложив это до пробуждения в семь утра по сигналу будильника. Тот «фильм» записать не удалось: в семь утра его картинки и эмоции растаяли досадным образом. Содержит нецензурную брань.

© Леонтьев Л. Н., 2021

© Автор, 2021

Лев Леонтьев

Брачный контракт

Брачный контракт

-1-

Ночь наступила неожиданно, как бывает всегда по окончании рабочего дня. Допив чай, Олег громко, протяжно зевнул и медленно, будто нехотя, поднялся с табурета.

– Пошёл спать?.. – не отрывая взгляд от книги, спросила мужа Татьяна и потянулась к мармеладу. Она обожала сентиментальные романы и читала их всегда, когда позволяла обстановка: за едой и чаепитием, лёжа в постели и сидя в автомашине в качестве пассажира. Олега это почему-то сильно раздражало, довольно долго он ворчал на супругу, но потом смирился, видя её непоколебимость.

– Да. Пора. Я тебе говорил: завтра рано вставать, поеду по очень важному делу, – Олег вздохнул и поплёлся в ванную ополоснуть лицо и почистить зубы.

Олег Можаяев – крупный бизнесмен, все силы отдающий работе и зарабатывающий большие деньги. И очень щедрый. На такого жене молиться впору. Таня не молилась, но была благодарна Богу за такой подарок судьбы.

Спустя полчаса Таня заглянула в спальню: муж крепко спал, слегка похрапывая. Женщина тихо прикрыла дверь, вышла на балкон, открыла окно. Небо в сером дыму облаков, моросит мелкий дождик... В прихожей Татьяна накинула плащ и вышла из квартиры...

Олег подскочил рано утром при первых сигналах мобильного, как всегда с удовольствием сделал зарядку, принял душ, начал собираться на работу. Татьяна проснулась, но подниматься не стала: большой мальчик, сам справится: чистая рубашка поглажена, даже ботинки мужа перед сном начистила до блеска, чего никогда прежде не делала. В общем, подготовила супруга в поход. А о его завтраке беспокоиться не стоило: Олег не ел по утрам. Полстакана воды – это всё, что ему требовалось после сна. Татьяна по утрам вставала между девятью и десятью: муж настоял, чтобы жена или не работала вовсе, или придумала себе надомную работу. И она придумала: обучилась премудростям профессии веб-дизайнера и предлагала свои услуги на соответствующих сайтах. В общем, Таня – фрилансер. С Олегом они живут почти четыре года, общих детей нет. У Тани их вообще нет, первый муж не подарил такое счастье, у Олега – сын от первого брака, ему уже пятнадцать...

Услышав, как хлопнула входная дверь, Татьяна перевернулась на другой бок и сладко поёжилась под одеялом, готовясь спать дальше...

Проснулась от звука открываемой двери в квартиру. Вскоре Олег заглянул в спальню.

– Таня, спишь?..

– Спала бы, если б ты не бродил туда-сюда, – ответила без раздражения, миролюбиво.

– Представляешь, что-то с машиной – не заводится!.. Странно, вчера никаких проблем с ней не было... А ехать надо срочно!.. Подскажи какой-нибудь номер – такси вызову.

Олег редко пользовался такси. Зачем?.. Своя машина всегда под боком и всегда исправна. Татьяне, пусть не часто, но приходилось кататься на «извозчиках».

– На холодильнике должен быть магнит с номером, – Таня плотнее закуталась в одеяло и блаженно закрыла глаза, надеясь, что муж больше не потревожит.

Сквозь сладкую дрему слышала, как муж бубнит что-то – очевидно, разговаривая по телефону. Вскоре он ушёл – хлопнула входная дверь.

Татьяна счастливо улыбнулась и тут же провалилась в нежную бездну сна.

-2-

Бросив взгляд на поджидавшую «Тойоту-Короллу», Олег отметил: за рулём – девушка. Усевшись на переднее сиденье, разглядел её внимательнее. Красивая, очень. Лет тридцати.

Назвал адрес.

– Давно таксуете?.. – не удержался от вопроса. И отметил, что волнуется.

– Почти полгода, – девушка приветливо улыбнулась, взглянув в глаза пассажиру. «Вот это глазищи!..» – мысленно ахнул Олег от восхищения.

– С деньгами проблемы?.. – глупый вопрос. Явно не от хорошей жизни девушка развозит клиентов.

– Да, с работы вылетела – сократили.

– А кем работали?..

– Инженер-плановик. Жаль, семь лет отработала на организацию, и вот так она со мной обошлась. А новую работу по моей специальности сейчас найти трудно... Катаюсь. Тоже нравится!.. Зато сама себе хозяйка. С клиентами проблем нет – и заказов хватает, и люди попадают только хорошие.

– Это потому что вы сама очень добрый человек, – сделал комплимент Олег. – Потому и притягиваете хороших людей.

– Надеюсь, что так, – рассмеялась водитель.

– Олег, – коротко представился пассажир. – А ваше имя можно узнать?..

– Ольга.

– Очень приятно.

– Мне тоже.

Оставшуюся часть пути они разговаривали без умолку. Ольга оказалась очень начитанной, и общаться с ней было одно удовольствие. Не без сожаления Олег отметил, что с Татьяной у них никогда не получалось таких ярких увлекательных бесед.

Приехали. Рассчитавшись, Олег взялся за ручку двери.

– А... – замялся. – Удобно будет, если в следующий раз, когда понадобится такси, я позвоню не в фирму, а прямо вам?..

– Конечно!.. – Оля обрадовалась. – Так даже удобнее будет. И выгоднее... Записывайте!..

Олег поспешно выхватил мобильник, внёс новый контакт.

– До свидания, Оля!.. – сказал он, выйдя из машины и засунув голову в открытую дверь. При этом внимательно смотрел на девушку, будто желая получше запомнить милое лицо. А может, не хотелось расставаться... Взгляд скользнул по стройным бёдрам, обтянутым джинсами.

– Пока!.. – улыбнулась красавица.

-3-

Татьяна в тот же вечер отметила в супруге некоторое отчуждение.

– Олег, что-то случилось?.. – не удержалась от вопроса за чаем.

– Да нет, всё в порядке, – муж посмотрел как-то странно, будто на неодушевлённый предмет.

«Да нет, не всё», – подумала Таня, но от дальнейших расспросов воздержалась...

Спать легли поздно: Татьяна зачиталась очередным сентиментальным романом, Олег копался в компьютере. Легли, пожелали друг другу спокойной ночи, и Олег повернулся к жене

спиной. Но, несмотря на усталость, заснул нескоро: вспоминалось милое лицо утренней таксистки, шикарные бёдра, и звучал её волшебный голос...

Во сне увидел Олю. Они брели куда-то по солнечной улице, усаженной тополями, и время от времени нежно смотрели друг другу в глаза.

-4-

С автомобилем Олег разобрался уже на следующий день. Всё оказалось просто: перегорел предохранитель в цепи питания коммутатора. Вызвал такси. Разумеется, позвонил Ольге, она оказалась свободна. Съездил за предохранителем (на всякий случай купил парочку запасных), заменил, и – порядок!.. Когда никуда не торопишься, любая проблема решается легко...

Ольга. Просто волшебная женщина!..

-5-

Проснувшись, по обыкновению, рано, Олег упруго подскочил с постели, бросился в ванную – ополоснуть лицо холодной водой. Эта нехитрая процедура начисто смывала остатки сна и удивительным образом создавала бодрость и свежесть во всём теле.

Зарядка, водные процедуры, полстакана холодной воды из-под крана, пропущенной через фильтр. И... пора вызвать такси. Понятно, какое. Нет, автомобиль в порядке. Да, Олег хочет увидеть Ольгу.

– Ты вызываешь такси?.. – заглянула в гостиную Татьяна, решившая подняться вслед за мужем. – Опять машина сломалась?..

– Да-а... – слегка замялся Олег, прикрыв мобильник ладонью. – Двигатель барахлит. Неровно работает, глохнет. Надо показать специалисту.

– Понятно, – Танино лицо исчезло из дверного проёма.

– Договорились: выхожу через двадцать минут. До встречи, – закончил Олег разговор. На одевание – пять минут, не больше. И скоро он увидит Ольгу!..

О, это счастье!..

-6-

Прошла неделя с первой встречи Олега и Ольги. С того памятного дня жизнь Олега сильно изменилась. В душе был необыкновенный подъём, какого он не знал прежде. В ней пели соловьи. И мир казался в тысячу, нет – в миллион раз прекраснее, чем прежде!.. И каждое утро дарило удивительную радость, заставляющую Олега испытывать бешеный прилив энергии, и ничто в течение дня не могло испортить прекрасное настроение, и дела в бизнесе продвигались гораздо лучше, чем в последние месяцы. Это любовь!.. Вот только по вечерам Олега одолевало уныние. Особенно мощно тоска наваливалась, когда надо было ложиться в постель с уже не любимой супругой. Со дня знакомства с Ольгой Олег так и не притронулся к Татьяне. Ни поцелуев, ни объятий. Если жена успевала улечься раньше, Олег, после вечернего душа, с горестным вздохом покидал ванную и затравленно направлялся к супружескому ложу. Ложился и тут же закрывал глаза, изображая смертельную усталость. А если удавалось лечь в постель раньше супруги, Олег молил Бога, чтобы она не приходила как можно дольше, и старался поскорее расслабиться и уснуть.

Всю неделю Олег пользовался услугами такси, несмотря на то, что его автомобиль был совершенно исправен. На вопрос жены, почему не ездит на своей машине, ответил: «Знаешь, оказывается, на такси гораздо удобнее. Вместо напряжения от вождения авто – сидишь, отдыхаешь, обдумываешь предстоящий рабочий день, вопросы, которые необходимо решить. В

общем, проводишь время с пользой. Да и не дорогое это удовольствие – такси!..» Таня понимающе кивнула и больше вопросов не задавала...

Олег уже знал, что Ольга свободна, и ему казалось, что женщина тоже расположена к нему. «А не пора ли назначить ей свидание?..» – думал он, и дух захватывало от возможных перспектив. Собственно, чем он рискует?.. Получит отказ?.. Ну и что с того?.. Утрёт слёзы и возобновит поездки на своём личном автомобиле. А вдруг получится?.. Вдруг чувства не обманывают его, и он в самом деле симпатичен Ольге?.. Лучше попытаться и получить отказ, чем потом переживать из-за упущенной возможности!.. А как же Таня?.. Да никак. С ней всё кончено: вместе им не жить!..

-7-

В это утро Олег сильно нервничал, думая о предстоящей встрече с Ольгой. Да, сегодня он пригласит её куда-нибудь. В ресторан. Или... Да, нужна квартира для интимных встреч. Что ж, в ближайшие дни он решит этот вопрос. А пока можно посидеть в ресторане, побеседовать подольше, узнать друг друга поближе. Хотя уже сейчас Олег мог с уверенностью сказать, что прекрасно знает эту замечательную женщину, и... банально, но у него впечатление, что они знакомы тысячу лет.

Выскочил из подъезда, огляделся. Знакомой «Тойоты» ещё нет. А, вот она, въезжает во двор.

– Здравствуйте, Ольга!.. – радостно воскликнул, плюхнувшись на переднее сиденье.

– Здравствуйте, Олег!.. – ах, какая у неё обворожительная улыбка!.. С ума сойти можно!..

– Как настроение?..

– Прекрасно, как всегда!.. – засмеялась. О, эта чудная музыка её голоса!..

– Вы знаете, Оля... – решил не тянуть Олег. – Мы расстаёмся, а вы не идёте у меня из головы. Честное слово, постоянно думаю о вас. И ничего не могу с собой поделать. Да и не хочу. Мне приятно думать о вас...

– Правда?.. – кокетливый взгляд на пассажира. – Шутите!..

– Нет, Оля, не шучу, – серьёзный взгляд в ответ. – Влюбился. Дня не мыслю без вас и хочу видеть постоянно. Не хочу расставаться с вами!..

– О!.. – сосредоточилась на управлении автомобилем. Нахмурилась.

– Я расстроил вас?.. – Олег озабоченно заглянул Ольге в лицо.

– Н-нет... – качнула прелестной головкой. – Просто... Как-то неожиданно всё это.

– Неужели?.. Разве по мне не видно, как сильно я увлечён вами?.. Оля, я люблю вас!..

– Так уж и любите!.. – недоверчиво покосилась Ольга. – Вы меня совсем не знаете!..

– Знаю, знаю!.. – с жаром выпалил Олег. – А если вам необходимо узнать меня получше – понимаю. Давайте встретимся... сегодня. Я знаю один премиленький ресторанчик недалеко от моего офиса. Ну как, увидимся вечером?..

– Ммм... Ну-у-у... Давайте!.. – Ольга скромно улыбнулась.

– Отлично!.. – просиял Олег. – Я заеду за вами... Нет, сначала вы заедете за мной и отвезёте домой. Я возьму свою машину и стану вашим водителем. Надеюсь, навсегда.

– Звучит многообещающе!.. – засмеялась Ольга. – И всё-таки сначала я должна покатасть вас. Странное начало ухаживания.

– Ну... Не сердитесь, милая Оленька!.. – нарочито виновато промурлыкал Олег. – Позже я обязательно заглажу свою вину.

– Очень надеюсь на это!.. – продолжала веселиться Оля. – Всё, Олег, мы приехали. Или мы просидим в машине до вечера?.. Тогда, может, не стоит откладывать, поедem в ресторан прямо сейчас?.. Кстати, я успела проголодаться.

Олег вскинул брови.

– А что, это идея?.. Пойдите, сейчас соображу, что за дела у меня сегодня... Поразмышлял.

– А, ничего особенного!.. Справятся без меня!.. Сейчас только позвоню заместителю, предупрежу, чтоб не ждал... Сергей!.. Привет!.. Не жди меня сегодня, справляйся сам... Да, конечно, если что – звони в любое время... Удачи!..

– Ну вот, – с улыбкой повернулся к прелестному водителю. – Я свободен!..

– Очень рада, – глаза излучали искреннюю радость. – Теперь – к вашему дому?..

– Да, Оля, – Олег не мог налюбоваться на спутницу. Скоро они окажутся за одним столиком в ресторане, а потом... Возможно, ему повезёт ещё больше!..

– Ох!.. – спохватился. – Тот замечательный рестораник работает с десяти, ещё рано. Сначала я немного покатаю вас, а потом поедем завтракать!..

...Кухня была отменной, завтрак прошёл замечательно. Олег не мог отделаться от чувства, что рядом – родной человек. И... о, как он хотел её!..

Вышли из ресторана.

– Ну, куда теперь?.. – улыбаясь одними глазами, спросила Оля.

– Теперь... Давайте просто погуляем. У нас такой красивый город, и так редко удаётся побродить по нему. Почти всё время находишься в замкнутом пространстве: то дома, то в машине, то в офисе. А душе нужен простор!..

– Согласна, нужен. Давайте погуляем...

Долго бродили по зелёным улочкам, наслаждаясь обществом друг друга. Весело болтали о пустяках, встречались нежными взглядами. Руки то и дело ласково соприкасались...

– Это мой дом, – указала рукой Оля.

– Вот как?.. А как в вашем доме насчёт кофе?.. – Олег остановился и прямо посмотрел спутнице в глаза. – Не знаю, как вы, а я уже нагулялся.

– Я тоже, – женщина не отвела взгляд. – Пойдёмте пить кофе...

...Олег ушёл от Ольги в десятом часу вечера – довольный и счастливый. Уселся в поджидавшее такси. Такого секса, как с Ольгой, у него никогда в жизни не было – так ему казалось. Возможно, это ощущение внушила всего лишь смена партнёра, и скоро оно перестанет быть ярким, но кто из мужчин думает об этом, выйдя ласковым летним вечером от любимой женщины после первого страстного свидания?..

Однако квартирка у Ольги не очень уютная. Скромная, как-то не по-женски обустроенная. Наверное, из-за недостатка денег. Вот ведь, решила работать в такси. Героический поступок для красивой женщины!.. Ничего, в квартире Олега им будет намного комфортнее. Скоро. Надо только с Татьяной решить вопрос о разводе. Хм... Как там записано в их брачном контракте?.. В случае развода по инициативе Олега он выплачивает ей «выходное пособие» в размере ста тысяч долларов. Какой пустяк!.. Сто тысяч баксов, и он – свободен!.. От мысли о предстоящем расставании с женой Олегу стало ещё радостнее, счастливая улыбка широко растянула рот. Так он и ехал, улыбаясь, до стоянки у кафе, где оставил свой автомобиль.

Завёл «Лексус», выехал со стоянки. Снова вспомнил о брачном контракте. А ведь это он предложил заключить его!.. На фига?.. Понятно: так сильно был влюблён, что решил покрасоваться перед подругой. Не думал тогда, что придётся расставаться... Дурак!.. Сто тысяч долларов на дороге не валяются. С Ольгой он не будет таким непредусмотрительным: никакого брачного контракта!..

-8-

Тоскливый вечер. Тусклый свет кухонной люстры. Татьяна читает книгу, время от времени прихлёбывая остывший несладкий чёрный чай, Олег нехотя доедает ужин, пригото-

ленный заботливой, но немилой женой: запечённая в духовке курица, порезанные кольцами, слегка присоленные свежие огурцы и помидоры. Ах, как было хорошо вчера с Ольгой, и как неважно он чувствует себя сейчас, находясь в замкнутом пространстве с женщиной, так быстро ставшей чужой!..

Танина рука, потянувшаяся за чашкой, вдруг замерла в воздухе.

– Олег, – она оторвала глаза от книги. – Я должна тебе кое-что сказать... – рука осторожно легла на стол.

– Да?.. Говори!.. – безучастно ответил муж, хрустя огурцом.

– Олег, мы разводимся.

– Вот как?.. – прозвучало безразлично, но в душе Олега вспыхнула неуёмная радость. Как здорово!.. Ему не надо начинать разговор о разводе. И не придётся расставаться с деньгами!.. – Чего это ты надумала?.. Встретила кого-нибудь?..

– Нет, к сожалению. А может, к счастью...

– Что ж, у тебя всё впереди, – съехидничал Олег.

– Да, пожалуй...

Посидели молча. Таня – уставившись в стену, Олег – продолжая жевать и с нескрываемым злорадством поглядывая на жену. И как ты теперь будешь жить?.. Я ведь тебе ни копейки не дам!.. Доглодал курицу, отодвинул тарелку. Теперь можно чашечку чая. Поднялся, чтобы взять чайник с разделочного стола.

– Я наняла независимого эксперта, – вдруг невыразительно обронила Татьяна.

– Зачем?.. – Олег замер, брови взметнулись. Рука, потянувшаяся за чайником, опустилась.

– Для оценки твоего состояния. Движимого и недвижимого, – прозвучало тихо, но как гром средь ясного неба.

– Что за бред?! – глаза Олега сузились, в них сверкнула ненависть. Он смотрел на супругу сверху вниз, и хотелось ударить её. Кулаком по голове. А потом – ещё и ещё, куда придётся. За слова, полный смысл которых пока не понятен, ясно одно: жена покушается на его деньги!..

– Я сейчас, – Таня невозмутимо поднялась и вышла в прихожую, проскользнув между мужем и обеденным столом. Тут же вернулась.

– Вот, посмотри, – протянула Олегу компакт-диск.

– Зачем мне это?.. – Олег был удивлён и раздосадован. – С какой стати я должен смотреть это?..

– Ну, ты ведь должен знать, по какой причине отдашь мне двадцать процентов своего состояния, – Татьяна положила диск на стол.

Несколько секунд Олег не мог понять, что происходит, потом дошло. Он догадался, что за видео на диске. Ольга!.. Ах, сука!!!

– Ты... Ты... – он с ненавистью смотрел на жену. – Я взял тебя голой и... – «босой» – хотел продолжить Олег, но передумал. Чего зря пылить?.. Ты попал, мужик!.. Есть официально заверенный брачный контракт, где чёрным по белому написано: в случае если ты изменишь супруге, отдашь ей двадцать процентов всего, что имеешь. Так что не базарь попусту, веди себя, как мужчина. Смирись с поражением.

Олег взял диск и понуро поплёлся в гостиную – смотреть видео.

-9-

День был солнечным, жарким, безветренным, настроение – отвратительным. Работа не шла в голову, и Олег бродил по городу, кипя от гнева. Прогулка в толчее народа понемногу успокаивала, отвлекая от злобных мыслей. Несколько раз пытался дозвониться до Ольги, но

абонент был недоступен. Вечером, когда уже совсем стемнело, Олег вернулся к офису, завёл свой «Лексус»...

Подъезд, где живёт Ольга. В двери – кодовый замок. Олег присел на лавочку под неподвижными ветвями пышных сонных берёз. Ждать пришлось долго, и это томительное ожидание взвинтило нервы до предела. Придёт же сюда кто-нибудь!.. Или выйдет отсюда... Наконец дверь отворилась, и Олег стремительно подскочил. Вышли парень и девушка. В свете фонаря, стоящего неподалёку, были отчётливо видны их улыбающиеся лица. «Радуются своей юности и беззаботности», – подумал Олег, и на душе стало ещё паршивее.

Успел схватить медленно закрывавшуюся дверь. Седьмой этаж. Вот её квартира. Позвонил, подождал. Снова нажал на кнопку звонка – нервно, долго не отнимая палец. Дверь распахнулась, на пороге – крепкий брюхатый мужик со свирепым выражением лица.

– Чего трезвонишь?..

– А... Мне нужна Ольга Соколова.

– Нет тут никакой Ольги!.. Здесь сейчас – я!.. Снял квартиру на сутки, а ты покоя не даёшь!..

– А...

Глаза мужика злобно сверкнули, дверь с грохотом захлопнулась.

Олег шумно вздохнул. Вот и объяснился с Ольгой!.. Похоже, его здорово обвели вокруг пальца!..

Вышел на улицу, постоял у подъезда, пытаюсь собраться с мыслями. Собраться не удалось. Тоскливо побрёл к «Лексусу». Некоторое время посидел в машине без движения, потом решительно завёл двигатель и поехал домой. Его ждала холостяцкая квартира, воспоминания о Татьяне и Ольге и размышления о том, что и почему с ним приключилось.

-10-

Сентябрь опечалил горожан блёклыми тучами и мелким противным дождём, который не прекращается уже неделю. Не скрывая грусти, город простился с ярким летом. По улицам туда-сюда снуют разноцветные зонты, но в их красках мало радости.

В тихом кафе уютно. Посетителей мало. За столиком в дальнем углу – две молодые красивые женщины. Мило беседуют, не спеша пьют красное вино, поджидая выполнения заказа.

– Ну что, Таня, каково живётся свободной женщиной?..

– Знаешь, Оль, отлично!.. Свободна и богата!.. Очень богата!..

– С чем тебя и поздравляю!.. – Ольга рассмеялась.

– Да, кстати... Не будем затягивать... – Татьяна вынула из сумочки пухлый конверт. – Твоё вознаграждение.

Ольга взвесила конверт в руке.

– Оч-чень приятно!..

– Спасибо тебе огромное, Оленька!.. Здорово выручила!..

– Нет проблем, Танюш, обращайся, если понадобится.

Татьяна слегка замялась, но потом решительно тряхнула головой:

– Думаю, скоро понадобишься!..

– Вот как?.. Снова собралась замуж?.. За кого, если не секрет?..

– От тебя – не секрет. За очень хорошего человека. Кинорежиссёр, сценарист. Имя пока не назову. Очень известен и чрезвычайно богат. Уже не молод, но ужасно привлекателен. Обаятельный мужчина.

– И где ж ты его встретила?..

– А вот это – секрет, – рассмеялась Татьяна. – Места знать надо!..

– Ну и не говори. Не важно... А чего ж ты, ещё не успев выйти замуж, уже о разводе думаешь?.. Ведь говоришь – очень достойный мужчина.

Татьяна вздохнула.

– Знаешь... После истории с Олегом не верю я мужикам. Неужели все они – кобели, и им обязательно нужна смена ощущений?.. Эх, встретить бы такого, чтоб взял за руку и уже не отпускал – никогда!.. Неужели такого не существует?..

– Не знаю, – вздохнула Ольга. – Сама не отказалась бы от подобной встречи.

– Но... Ты что, в самом деле не хочешь пожить с ним, приглядеться как следует?.. Может, ты на этот раз встретила именно настоящего мужчину?..

– Вот это мы с тобой и проверим, – Таня подлила вина подруге и себе. – Не хочу разочарований через четыре года совместной жизни. Уж лучше сразу. И потом... не могу сказать, что влюблена. Будто что-то перегорело внутри. Вот здесь, – она коснулась груди.

– А если он не захочет жениться?.. Испугается, как услышит о брачном контракте?..

– Захочет как миленький!.. Никуда не денется, раз влюбился – женится!.. – пропела Татьяна и тут же посерьёзнела: «Ну, а если испугается – значит, не любит!.. А тогда на фига он мне сдался?..»

Подруги помолчали.

Подошёл официант, расставил блюда.

– Слушай... – сказала Ольга, когда официант удалился. – А если бы Олег не клюнул на меня?.. – она хитро прищурилась.

– На тебя?! – широко распахнула глаза Татьяна. – Не смеши!.. Ты такая красавица!.. – бегло оглядела прелестное лицо, плечи и красивую грудь, высоко поднимающую блузку. – Не выдумывай!.. Это невозможно!.. Перед тобой ни один мужик не устоит!..

Ольга довольно улыбнулась.

– Ты тоже ничего, – решила отплатить подруге. – Красотка!.. А... Ты любила Олега?..

Татьяна погрустнела.

– Души в нём не чаяла. Позже поняла, что за характер у него. Олег – ненадёжный. Поняла, что хоть не изменяет, но избавится от меня, как только крепко втюрит в кого-нибудь. И я останусь на бобах и с разбитым сердцем. И решила: лучше уж я сама всё устрою, тогда уйду не с пустыми руками. И избегу душевных ран... Да, любила. Безумно!.. Даже когда мы с тобой обсуждали детали нашего заговора. Но после того как всё получилось по сценарию, любовь растаяла как дым!.. – женщина рассмеялась, показав белоснежные зубы.

– И это вполне естественно!.. – хохотнула Ольга, орудуя ножом. – Тань!.. А как ты испортила его машину?.. Ты что, хорошо разбираешься в автомобилях?..

– О, пришлось покопаться в Интернете. Но всё оказалось довольно просто: вынимаешь исправный предохранитель, устанавливаешь испорченный. Если водитель спешит – не станет искать причину неисправности, вызовет такси.

– Умничка!.. – похвалила подруга, цепляя на вилку кусочек отбивной.

– Ты тоже, – улыбнулась Татьяна. – А... знаешь... очень интересно: ты так быстро затащила его в постель!... Согласна, ты – неотразима. Но... как всё это происходило?.. Ну, ваш путь к постели...

Ольга чуть не подавилась вином.

– А вот это уже мой секрет!.. – ответила, смеясь. Поулыбалась, вспоминая что-то. – Знаешь, он думал, что просто гуляет со мной. Думал, что это он ведёт меня по городу. Наивный!.. Это я вела его к нужному дому!..

Подруги похихикали...

Вышли из кафе, разноцветные зонты распахнулись над головами.

– Ты куда сейчас, Тань?..
– Пройдусь по магазинам, поглазею. Хочу немного обновить гардероб. А ты?..
– Я – домой. По пути куплю бутылочку «Мартини» и коробку конфет. Для Марины, диспетчера такси. Вечерком загляну к ней, давненько не общались. Отличная девчонка!..
– А!.. Ну, передавай привет!.. – улыбнулась Татьяна.
– Обязательно передам, – махнула рукой Ольга и шагнула в поток людей. Вскоре её цветастый зонт затерялся среди других – жёлтых, зелёных, красных, синих, чёрных... У Татьяны зарябило в глазах, она отвернулась и зашагала в противоположную сторону. Шла и думала о себе – такой счастливой и такой несчастной одновременно. На глаза навернулись слёзы. А может быть, это были капельки дождя.

Маринованные помидоры

-1-

Нина Ивановна торопилась в поликлинику. Впрочем, торопилась – громко сказано, шла не быстро, сил не было на резвый шаг. Причём уже не первый месяц. С тех пор как у неё обнаружили серьёзное заболевание. С того времени и силы на убыль резко пошли. Будто бы даже не от самой болезни, а оттого, что Нина Ивановна узнала о ней. Узнала, пришла в отчаяние и в одночасье смирилась с участью. Результат?.. Была цветущей женщиной и вдруг превратилась в старушку.

Взяв в регистратуре карточку и поднявшись на нужный этаж, Нина Ивановна тоскливо окинула взглядом длинную очередь. Ох, сколько больных нынче! И с каждым приходом в поликлинику кажется, что очередь всё длиннее и длиннее. А врачи, как нарочно, держат каждого в кабинете всё более продолжительное время. Будто специально – чтоб не всех успеть принять! Им ведь за количество принятых пациентов не много приплачивают, сущие копейки, причём – только за платных, так чего стараться, из кожи лезть?.. И потом от скорости в этом деле, как и во многих других, может серьёзно пострадать качество, а это уже совсем никуда не годится!..

Дождавшись, когда подойдёт очередь, и успев за это время вздремнуть немного, Нина Ивановна вошла в кабинет. Смотри-ка, терапевт новый. Вернее – новая. Прежде был молодой симпатичный мужчина, а теперь вот – женщина в возрасте, под пятьдесят лет. Строга уж очень! А как зыркает через очки! И взгляд, главное, какой-то жутковатый, будто она тебя насквозь видит!..

Нина Ивановна положила карточку на стол перед докторшей и осторожно присела на краешек стула. Врач поперебирала небрежно исписанные листы, откровенно повздыхала. Опять онкология. Четвёртый пациент за день. И все – женщины. Видимо, мужики с таким вот заболеванием раньше на небеса отправляются. Ох, уж эта онкология!.. А чего удивляться?.. Научно-исследовательский институт атомных реакторов поблизости. Всего каких-то пятнадцать километров от города... Та-а-ак. Чего тут ей прописывали?.. Ага. Понятно. Правильно. А результат?.. Ясненько. Принимать те же препараты – бессмысленно. Врач подняла глаза на пациентку.

– Как себя чувствуете?..

– Как больная раком, – попыталась улыбнуться Нина Ивановна, но улыбка получилась кисловатой. Точнее – совсем кислой.

– Ясненько, – терапевт задумчиво постучала пальцами по столешнице. Пауза. Вдруг – решительно:

– В общем так, Нина Ивановна!.. Принимать будете те же лекарства, по прежнему расписанию, в установленных ранее дозах. Но очень прошу вас об одном: ни в коем случае не ешьте... – докторша многозначительно-пристально, будто выстрелила, посмотрела на пациентку поверх очков, замолчала ненадолго, – ни в коем случае не ешьте маринованных поми-

доров!.. Они вам категорически противопоказаны! Слышите?.. Категорически! Нарушите – умрёте!..

– Понятно, – захлопала глазами Нина Ивановна. – Не буду. Конечно...

– На этом – всё! – отрезала врач. – Следующий приём – через месяц. Перед приходом ко мне сдадите кровь на анализ, вот направления: из вены, из пальца.

Нина Ивановна взяла со стола талончики и направилась к выходу.

-2-

Вечером с Ниной Ивановной начало твориться непонятное: ужасно захотелось маринованных помидоров. Ну просто ужжжасно!.. Вот ведь, вроде бы особо и не страдала по ним никогда, а тут... Ну, нравятся, кушала с удовольствием, но чтоб вот так мучиться! Ничего не надо – только их, хоть тресни!.. И ведь, как нарочно, помидоров – завал в гараже, в погребе, – два месяца одними помидорами можно питаться!.. Вкусные, домашнего приготовления, сама закручивала. А две банки – вот здесь, в хрущёвском холодильнике припасены. У Нины Ивановны потекли слюнки: представила, как достаёт банку, ставит на стол, открывает, аккуратно достаёт помидорину, не вилкой – ложкой, чтоб не проколоть нечаянно и не выпустить сок, и, держа добычу-деликатес над тарелочкой, с наслаждением надкусывает и всасывает удивительно приятную на вкус жидкость. Нина Ивановна непроизвольно сглотнула слюну, вздохнула. Нельзя. Умру ведь. Так врач сказала... Того нельзя, этого – что за жизнь такая?!

-3-

Утром, едва Нина Ивановна проснулась, сразу же представились помидоры. Маринованные, конечно!.. Да-да, вот всё как вчера: достаёт, ставит, открывает, надкусывает... В желудке требовательно заурчало.

«Нет, это невыносимо!.. Сейчас же пойду и наемся!.. До отвала!..»

Она уже опустила ногу с кровати, но помедлила – вспомнилось строгое предостережение: «Категорически!.. Умрёте!..»

Нина Ивановна поспешно втянула ногу под одеяло. Нельзя. Иначе умру. Тоскливо вздохнула, пусто посмотрела в потолок. Белый. Как смерть. Её скорая смерть... Нине Ивановне в который раз стало невыносимо жалко себя, она слегка прикусила нижнюю губу, пытаясь удержать слёзы. Не получилось – влага всё-таки обильно выступила на глазах. Вытерла их и вдруг со злостью подумала: «А ведь всё равно умру: хоть ешь помидоры эти, хоть не трогай – конец один!.. Ну, позже на месяц-другой. Ну даже если на полгода – что меня ожидает хорошего?.. Да ничего! Что впереди – известно: только страх приближающейся кончины. И всё».

Решительно опустила на пол сразу обе ноги, упруго поднялась. А вот и не всё! Вот сейчас пойду и наемся маринованных помидоров! Самых вкусных на свете!.. Хочу! И плевать я хотела смерти прямо в её мерзкую харю!!!

Как решила, – так и сделала. Наелась. Сыто, довольно развалилась в кресле. Блаженство!..

-4-

Целый месяц, вопреки строгому указанию врача, Нина Ивановна ежедневно наслаждалась поеданием маринованных помидоров. На завтрак, на обед и на ужин. И иногда ещё между ними – нет-нет да и скушает одну-две. О, это была настоящая радость, – такая, какой она уже давно не испытывала!.. А может, никогда прежде. А про выписанные лекарства забыла вовсе.

-5-

Врач с нескрываемым любопытством разглядывала сидящую перед ней пациентку. Порозовела, похорошела. В сорок пять баба ягодка опять, а этой пятьдесят семь, и тоже ничего. Клубничка просто. На щеках здоровый румянец, в глазах молодой блеск. Интересно: у неё красивые синие глаза. А в прошлый её приход этого не заметила.

Терапевт улыбнулась.

– Как себя чувствуете, Нина Ивановна?.. – знала ответ заранее, но хотела услышать от подопечной.

– Хорошо, спасибо, – откликнулась на улыбку пациентка. – Очень хорошо!..

– С чем вас и поздравляю, – засияла докторша. – Нина Ивановна, вы здоровы. То есть – абсолютно!.. Из анализов следует: рака у вас нет!..

Нина Ивановна вытаращила глаза, рот сам по себе открылся, а сердце гулко, взволнованно забарабанило в рёбра.

– Правда?.. – Нина Ивановна судорожно сглотнула. – Это правда?!

– Правда-правда, – засмеявшись, подтвердила врач. – Самая что ни на есть настоящая... Вы молодец, Нина Ивановна! Я очень рада за вас! Горжусь вами!..

– Спасибо вам, доктор!.. Спасибо огромное! – толком не зная за что – наверное, за радостное известие, за что же ещё?.. – благодарила бывшая больная.

Женщины тепло попрощались, дверь за Ниной Ивановной, размазывающей слёзы по щекам, закрылась.

Тут же вошла следующая посетительница – сухонькая, изрядно согнутая годами женщина лет шестидесяти.

Врач приняла амбулаторную карту, полистала, невесело вздохнула.

«И этой лекарства не помогают. Ох уж, этот рак!..»

Помолчала, внимательно посмотрела на пришедшую. Что ж...

– Ирина Никифоровна! – начала решительно. – Пока будете принимать те же лекарства по прежней схеме. Ко мне придёте через месяц. Перед приходом сдадите кровь на анализ, вот направления... И ещё, это важно, очень: ни в коем случае не ешьте... – пристально пальнула в пациентку взглядом поверх очков, прямо в глаза, – маринованных помидоров. Под страхом смерти!.. Ослушаетесь – умрёте!..

– Да не буду, не буду, конечно, – немного испуганно пожала плечами женщина. – Да я их, если честно, и не люблю вовсе! Вот свежие – да, очень, а маринованные... Равнодушна к ним как-то. Невкусные они. Ненастоящие какие-то...

– Всего хорошего, Ирина Никифоровна!.. До встречи через месяц. И помните про помидоры.

– Да чего ж там помнить! – уже на полпути к двери, не оборачиваясь, откликнулась посетительница. – Сказала же: не буду я их! Не люблю!..

«Ну-ну... – лукаво улыбнулась в её сутулую спину врач. – Не буду, не люблю... Посмотрим!..»

Политические

Поезд плавно набирал ход. За окном опять поплыли поля, покрытые ржавой пожухлой травой, скудно припорошенные снегом и неприглядно обрамлённые по краям редким серым кустарником, небогатыми невысокими лесополосами.

«Да, негусто снега в этом году, – почему-то грустно вздохнув, подумал Иван Михайлович. – А пора бы, конец ноября как-никак. И в купе никто не подсел. Не очень-то люди путешествуют поздней осенью да зимой, куда в эту пору ехать?..»

Михалыч ехал один от самой Самары. Скучно. Он был общительным человеком, любил весёлые компании. Ну, пусть не полное купе – хоть кто-нибудь занял бы полку напротив, и то ехать было бы гораздо веселее за разговором...

На подъезде к Свердловску надеждам Михалыча суждено было оправдаться: в купе, опираясь на палочку, вошёл невысокий пожилой мужчина, седой, с глубокими залысинами, открывавшими широкий крутолобый череп.

– Здорово, сосед! – весело поприветствовал он Михалыча, буквально впившись в него глубоко посаженными маленькими, цепкими глазками. Вероятно оставшись довольным увиденным, вновь прибывший широко и добродушно улыбнулся: «Будем знакомиться, али как?..»

– А чего ж не познакомиться?.. – охотно согласился Михалыч. – Мы добрым людям всегда рады. – Иван Михайлович.

Попутчик ему понравился с первого взгляда, и не потому вовсе, что Иван Михайлович истосковался по собеседникам, просто понравился и всё. «Добрый человек», – определил Михалыч.

– Ну а меня Семёном кличут, – представился в ответ попутчик и поправился.

– Семёном Петровичем. Куда путь держим?..

– Тобольские мы, там проживаем, туда и катим.

– Ну, а мне до Сургута пилить, – вошедший поднял свободную нижнюю полку, пристроил выдавший виды кожаный чемоданишко, поставил к окну яркий полиэтиленовый пакет, распи-санный разноцветными надписями на иностранном языке. Или языках, кто ж его разберёт?..

Слово за слово, вскоре мужчины оживлённо болтали как старые знакомые, и на столе незатейливо нарисовалась вынутая из красочного пакета бутылка водки, которую тут же живописно окружили полбуханки чёрного хлеба, свежие огурцы и помидоры, расстелился-развернулся восхитительно пахнущий свёрток, в котором оказалась предусмотрительно нарезанная тонкими кусочками копчёная колбаска. Новые знакомые щедро плеснули в стаканы, взятые у проводницы, выпили за знакомство, закусили. Михалыч сразу раскраснелся, глаза весело заблестели.

«Вот это другое дело, – радостно промелькнула мысль. – А то всё один да один. Как в гробу!.. Скуотища!..»

Говорили обо всём, живо и неожиданно перескакивая с одной темы на другую: о детях, о внуках, об экономическом положении в отчизне и политической ситуации в других странах, да и какая разница, о чём говорить, когда позади пол-литра, и, способствуя продолжению беседы, на столе появилась новая бесшабашная подружка, один взгляд на которую вселял уверенность, что жизнь прекрасна?..

– А ты, Михалыч, где сидел?.. – вдруг ни с того ни с сего, оборвав своё же повествование, поинтересовался Петрович.

Иван Михайлович, несмотря на выпитое, слегка смутился. Даже немного протрезвел.

– Как догадался, не спрашиваю, – немного помявшись, ответил он. – Скорее, по наколке, что на левой руке. «Магадан». Да, было дело. Да только чего уж об этом?.. Дело старое. Хотя и забыть невозможно. Частенько по ночам – нет-нет да и привидится чего-нибудь из тех лет.

– Да ладно, Михалыч, не тушуйся!.. – подбодрил собеседника Семён. – Меня ведь эта чаша тоже не минула. Десять лет оттрубил на Кольском. А за что, спроси меня!.. За правду, Михалыч, за неё!..

Петрович наполнил стаканы на треть, намахнул горькой, не дожидаясь товарища.

– Чего ж такого натворил?.. – полюбопытствовал Иван, поднял свой стакан, залпом опустошил, чуть подался вперёд, вглядываясь Семёну в глаза, будто пытаясь отыскать-разглядеть в них что-то.

– А ничего не натворил!.. – повысил голос Петрович. – В те годы и творить ничего не надо было – ворота лагерей завсегда гостеприимно распахнуты! На вход, а вот в обратную сторону – далеко не для всех. Сколько народу полегло, сколько судеб, жизней загублено!..

Петрович сокрушённо покачал головой, уткнувшись помутневшим взглядом в стол, помолчал немного, потом поднял голову, серьёзно посмотрел на Михалыча и продолжил:

– Политический я, Иван. А всего-то и совершил грехов супротив Родины – правду-матку рассказал про жизнь наше под немцем. Я ведь на фронт не попал – инвалид с детства. С тех пор как с лошади упал на всём скаку и охромел на одну ногу. Пришло время – признали негодным к строевой, остался в своём селе...

Петрович сделал паузу, вкусно похрустел огурцом, солидно откусил от бутерброда, точнее – отхватил половину мощными челюстями, пожевал с наслаждением.

– Так вот. Разговорились мы как-то с нашим новым председателем, из фронтовиков (сошлись с ним близко, подружились, значит). Он мне – про фронт, как шагал с боями от Москвы до Берлина, чего насмотрелся на этом нелёгком пути. Уж я понаслушался от него страстей-ужасов всяких! Про разные зверства-изуверства фашистские... Ну, а я ему: у нас, мол, в районе, ничего такого не было!.. Да и не только в нашем – в соседних тоже! Напротив, говорю, довольно неплохо при немцах жили, в общем, тихо, мирно. Никого из сельчан наши постояльцы не забижали, всё чин по чину! Аккуратно расселились по хатам, данью, конечно, обложили – а как же без этого, жить-то, кушать-то ведь надо!.. Но, следует признать, посильной данью, не чрезмерно! Не нагтели фрицы. Пораскинули умишком, прикинули, чего и сколько им самим нужно, чтоб жить сытно, но и о наших нуждах при этом не позабыли: сколько человек взрослых по дворам, да сколь детей в каждом семействе, да какого возраста – всё учли!.. Ох, и скупулёзный народ, надо признать!.. Скупулёзный!.. – с нажимом на первом слоге, досадливо поморщившись, поправился Петрович. Помолчал с пару секунд, пошевелил губами, будто проговаривая про себя мудрёное словцо, запоминая-тренируясь в очередной раз, как правильно говорить.

– Так вот, просчитали они, значит, всё до мелочей и назначили: ты столько давать будешь, а ты – столько. Чтоб никому обидно не было. Чтоб каждый продолжал нормальное житьё, словно и не захватчики непрошенные пожаловали, а просто гости заезжие, неназойливые, не ненавистные...

Поезд притормозил посреди полей, наверное, пропускал встречный; вагон резко качнуло, коротко истерично взвизгнули колёса, и всё стихло. Только в одном из купе вдруг обеспокоенно заплакал-завопил младенец, но вскоре и он умолк, видимо, убаюканный ласковыми материнскими руками.

– А все наши неприятности, – почти шёпотом заговорил Петрович, наверное поддавшись наступившей тишине, впрочем, вскоре опомнившись и придав голосу необходимую для обстоятельного рассказа силу, – все неприятности наши были от местных партизан. Леса в наших краях не очень богатые, так партизаны небольшими группками-отрядами подалее в них забрались, заховались-затерялись. Засели, короче, и не высывались, ждали, значит, когда регулярные части пожалуй да войне конец в нашем краю положат... До поры до времени не высывались. Было у них, у партизан, конечно, и оружие, и боеприпасов в достатке – всё как полагается, да только автоматы в ход пускать они не спешили. Пойдёшь на немца войной – себе дороже станет, кому ж погибать-то охота?.. Помирать партизанцы не спешили. Даже за Родину. Не хотелось, понятное дело. Но вот кушать... Кушать они хотели, как все нормальные люди. И нормально кушать. А где ж им харч взять, коль не делали ничего – не сажали, не растили, курей-гусёнок не разводили. Где?.. В сёлах, конечно!.. – Семён звучно шлёпнул ладонью по

дерматиновой обивке полки. – Вот и шастали они время от времени по сёлам, жратву, значит, добывали. Захаживали и к нам. Да только кто ж их, халявщиков, ждал-то?.. После немца лишнего не оставалось – в аккурат, чтоб не голодной житуха была! К чему нам лишние рты?.. Засел в лесу?.. Так и питайся тем, что тебе лес даёт: грибами, ягодами да дичью какой. А то ведь картоху и в лесу посадить можно!..

Семён перевёл дыхание, плеснул в стаканы на палец, выпил. Подождал, когда Иван оприходуёт свою порцию, и продолжил:

– Да и за что их кормить-то, бугаёв здоровых?.. Бездельников... Ну, и отказывали, конечно. Мы не давали, так они отбирать стали!.. Свой?.. Так почто ж ты последнее со своих гребёшь?! Ну, старики да бабы – на поклон к немцам, подмоги-защиты искать. И как партизаны в село, кто-нибудь стучит в соседнюю хату, где немчура поселилась – выручайте! Перестрелка, конечно. Так вот инциденты и возникали. Партизаны с курями за пазухой в лес отходят, огнём огрызаются, немцы преследуют. Но далеко за ними не ходили – на кой они сдались? Хлопот ведь от них, в общем, никаких, так зачем?.. Из-за чужеродного населения шкуру под партизанские пули подставлять? Дудки!.. Прогнали лешаков обратно в лес, да и ладно. Однако нет-нет, да и подстрелят партизаны при отходе кого из фрицев. Вот тут и у нас, мирных жителей, проблемы начинались. Наказывали, значит. Нет, не вешали, не расстреливали – другими способами воздействовали. Чтоб значит, пожёстче с партизанами обходились, хотя – куда уж жёстче?.. Не воевать же старикам да бабам с кольями против вооружённых лесных тунеядцев?.. Так вот, как наказывали нас. Чаще всего – голодными оставляли, выборочно, то есть лишний кусок отбирали. А то корову-кормилицу прирежут да съедят. Или кабанчика раньше срока, пока он вес не нагулял. А самое жестокое было – хату порушить либо сжечь. Танком давили. А однажды так целую улицу снесли – это самое большое наказание для нас было за всё время! Всех жителей с одной стороны улицы перегнали-переселили со всем скарбом в дома напротив, потеснили хозяев. Подогнали танк к крайнему дому и пальнули по нему – так, что все дома по той стороне одним снарядом и развалили. Вот так наказывали, но чтоб какого человека жизни лишить – не было такого ни разу, вот те крест!.. – Семён истово перекрестился, нахмурился: «А что?.. И правильно делали, что наказывали. Вот если б моего другана лучшего кто-то порешил – неужто я не отплатил бы супостату?.. Даже не задумался бы! И ему, и всем его сотоварищам тошно стало б!..»

Семён уставился в окно, почти прижался упрямым лбом к стеклу, пытаясь высмотреть чего-то в темноте. Поезд давно набрал ход, и колёса задорно постукивали в стыки рельсов: «Успокойся! Всё хорошо!.. Успокойся! Всё хорошо!..» – будто пытались настроить каких-то неугомонных пассажиров на мирный лад.

– Ладно, Михалыч, я сейчас... – Семён поднялся и вышел из купе, видать, приспичило по нужде.

Иван откинулся к стене, прикрыл глаза, повздыхал, живо припоминая своё житьё-бытьё в послевоенные годы...

– Так вот, Михалыч, – Семён опять устроился напротив. – Обо всём этом я своему другу-председателю и поведал, вот так и обсказал, как тебе сейчас. И что ты думаешь?.. Осерчал он сильно. Так сильно осерчал, что на следующий же день настучал на меня куда следует. И взяли меня под белы ручки и... В общем, десять лет лагерей. А за что?.. В чём моя вина, если так всё и было?.. Ты ведь приедь в те края, поспрошай у местных, кого война накрыла, – правда это али как?.. Если где-то в других местах фашист свирепствовал, – как люди рассказывают, в книгах пишут, – я ведь не спорю! Раз говорят да пишут, – значит, так оно и было! Но в наших краях – ни-ни! Никаких таких зверств не было!..

Петрович в сердцах махнул рукой, слегка задев горлышко наполовину пустой бутылки и едва не опрокинув её, – поймал-подхватил вовремя, твёрдо вдавил дном в столик, будто она от этого должна была стоять прочней, – прилипнуть, что ли?..

– Ты мне вот что скажи, Иван!.. – Петрович перегнулся через стол, вперил взгляд в глаза Михалыча. – Откуда в наших людях наклонность такая, к стукачеству?.. Не понравилось что – ну скажи мне, обсудим-потолкуем, и дело с концом!.. К тому же, – не чужие ведь вовсе, сдружились как-никак, не одну пол-литру засандалили сообща!.. Так нет – на другой же день строит донос, ну что за!.. – Семён хотел было выругаться покрепче, поперебирал разные нехорошие словечки, суетливо шевеля губами, но сквернословить передумал, так и оставил фразу незаконченной. Вместо заковыристой ругани он лишь расстроенно махнул рукой, откинулся назад, устало привалился к стенке, глубоко вздохнул.

– Ну почему же в «наших» людях?.. – миролюбиво возразил Михалыч. – Таких людей по всему свету с избытком. Христа ведь тоже недорого продали...

Помолчали.

– Ну, а ты, Михалыч, за что загремел?.. – вскоре возобновил разговор Семён. – По уголовке срок мотал али как?..

Михалыч насупился.

– Дак я ведь тоже... того... политический... Войну прошёл – не всю, до сорок третьего довоевал, дальше комиссовали по ранению. Вернулся в родные края, в свою деревню. По причине отсутствия мужского населения – ну, если стариков не считать, конечно, да пацанят-недорослей – поставили меня председателем колхоза. До меня в нём баба командовала, не справлялась, тяжело ей было. Толковая, да только дома – трое детей да немощная старуха-мать в придачу, – попробуй это осиль, а тут ещё и общественные заботы-хлопоты! Не разорваться...

Михалыч тоскливо покосился на бутылку, некоторое время поглядел на неё задумчиво, затем решительно отвёл глаза – направил на тёмное купейное окно. Или куда-то за него.

– Ну, так вот. Стал я председателем. А некоторое время спустя ещё один мужичок с войны возвратился. Тоже по причине тяжёлого ранения негодным стал. С мозгами был товарищ, с образованием. Я его главным бухгалтером поставил. Так и работали, а вскоре сдружились, да так крепко – не разлей вода просто!.. Хорошо жили!.. До сорок восьмого. А в этом самом годе задурил я. Глаз положил на его жинку. Ну, и вышла через это меж нами неприятность...

Михалыч замаялся, пожевал губами, будто хотел сказать что-то да удерживал себя.

– А жинка у него знатная была!.. – в его голосе зазвучало восхищение. – Всем бабам баба! Царица да и только! Ну до чего ладная, а заговорит – будто музыка райская льётся!.. Ну как не обратить внимание, хоть и другога жена?! А поскольку она у мужа своего в заместителях ходила – да не за красоту, а по уму ейному! – выпадало нам с ней частенько по району мотаться, по делам, значит. А поскольку колхоз наш не из последних был – как по зерну да мясу, так и по площадям, – то приходилось нам задерживаться в других деревнях, на ночлег оставаться. Дела порешать, да туда-обратно за один день смотаться никак не получалось! Иной раз по три-четыре дня, а то и поболее в чужих селениях проводили. Ну, и случилось то, чего никак не миновать было!.. Стали мы больше чем работники одного колхоза да попутчики. А потому и отлучаться из родной деревни скоро стали не только по служебной надобности. А и для того только, чтоб наедине остаться. Муж её, дружок мой закадычный, не догадывался про наши с ней взаимоотношения, потому как верил мне безгранично. Как самому себе, а может, даже больше!.. Ну а во мне неловкость зрела из-за этого. Стыдно было перед ним за моё предательство... Зрело, значит, в душе моей это беспокойство-неловкость, зрело, нарывом таким, да и прорвалось однажды по пьянке – не стерпел я, выложил всё как на духу! Просто в глаза Гришке (так друга моего звали) глянул, а они такие чистые! Наивные, доверчивые... И такая в них привязанность, столько теплоты!.. Ну и не удержал я крика души совестливого, руку на сердце положил и сказал: «Григорий, друг, прости ты меня Христа ради, так, мол, и так...»

Михалыч достал из повешенного на крючок пиджака носовой платок, легко промокнул глаза, затем шумно высморкался, аккуратно завернул добро в потяжелевшую тряпицу, засунул её обратно.

– Не поверил Григорий в начале. Даже вот так: как открылся я ему, до него и смысл сказанного мной не сразу дошёл. А как осознал, головой замотал: «Врёшь! – говорит. – Не может быть такого! Чтоб ты... с ней... Да чтоб она изменила!.. Не такая Глаша моя!..» Ну, я и завёлся: «Докажу!.. – кричу. – Потому как сил моих больше нет терпеть, душа не на месте из-за вины моей перед тобой!..» Пьян был сильно, вот и расписаривал свои душевные муки, в крик, дурак, ударился. И надумал я такую вот вещь сотворить. В следующий четверг, говорю, я тебя, Григорий, будто бы в командировку отправлю. На неделю, не меньше. А сам в субботу к твоей жинке наведаюсь, в баньку поведу. Подпою как следует между делом, а опосля всего ей на зад печать колхозную шлёпну – вот тебе доказательство и будет. Греха промеж нас. А ты аккурат в воскресенье, раненько поутру, неожиданно из командировки и нагрянешь. Полюбишься. Убедишься, что всё именно так, как я поведал. Так и порешили. Так и сделали. Понятно: когда Гриша домой заявился, печать была на том самом месте. И вот через это самое место я и загремел. Ибо не вынес Григорий предательства моего. Того, что я дружбу нашу поругал таким вот постыдным образом. И меж ним и его женой недоверие да холод-разлад посеял. Не стерпел дружок да на другой же день прямиком в НКВД* и направился. Так, мол, и так, председатель наш – развратник и антисоветчик злостный. Печать с гербом СССР из своих, противных нашему дорогому социалистическому укладу, соображений на задницу моей супруге вlepил!.. И кто его знает, куда он эту самую печать ещё ставил, и куда может припечатать наш великий герб завтра! Не место, грит, вот таким похабникам среди нас, строителей коммунизма!.. А в качестве доказательства распахнул Гришка дверь кабинета да завёл бабу свою, она всё это время в коридоре дожидалась. Завёл, развернул к офицеру задом да подолто и задрал – вот, полюбуйтесь, товарищ капитан, что такое творит этот злющий враг народа!.. Ох, меня потом этот самый капитан, которому Гриша про меня расписывал, и мытарил! Ты что, говорит, мразь такая, творишь?.. Жопа бабья, она что – документ какой важный, что на него печать ставить надо?.. Как ты только, вражина, допёр до этого своей дурьей башкой, ты али в самом деле идиот какой?..

Михалыч опять достал носовой платок, хотел было развернуть, высморкаться ещё раз, но, пощупав, передумал, убрал платок на место, а потёкший нос утёр салфеткой со стола. Петрович беззвучно смеялся – губами, глазами, всем телом.

– Ну а дальше-то что?.. – заторопил он. – Ты не тяни!..

– А что дальше?.. – вздохнул Михалыч. – Дальше – понятно что. Пятнадцать годков и привет родному колхозу!..

– Да, Михалыч, уважил!.. – Семён довольно гыгыкнул. – Уж чего в жизни ни видывал, чего ни слыхивал, но чтоб... но чтоб задницу в НКВД в качестве вещдока предъявляли... Это ж надо... – Петрович жалобно всхлипнул, пытаясь не засмеяться в голос, ему это удалось, и он лишь добавил, светло улыбнувшись: «Политический...»

На этом разговор не закончился, беседа плавно перетекла в более спокойное русло, однако вскоре попутчики почти одновременно почувствовали усталость, опустили на пол недопитую бутылку, наспех прибрали на столике, выбросив мусор и аккуратно сложив остатки снеди, дружно улеглись. Некоторое время, смежив отяжелевшие веки, они ещё пытались переговариваться, но фразы становились всё бессвязней, голоса всё тише, а языки неповоротливей, наконец попутчики крепко уснули, убаюканные заботливым перестуком сердобольных колёс: «Успокойся! Всё хорошо!.. Успокойся! Всё хорошо!.. Успокойся! Всё хорошо!..»

*Автору известно, что НКВД в 1946 году было переименовано в МВД, но герои рассказа называют эту организацию по старинке.

Чудны дела твои

-1-

Вечер стремительно опустился на город, зажглись и тускло осветили улицу тоскливые фонари, мокрый после дождя асфальт безрадостно отразил падающий на него свет. Сергей поднял воротник. Он любил такую погоду: улицы быстро пустели – люди после работы, заскочив по пути в магазин купить что-нибудь к ужину, поспешно расходились по домам, и мало кто имел желание опять покинуть уютную квартиру: холодный осенний ветер недружелюбно пробирался за воротники и поддувал под полы плащей и курток, красноречиво намекая, что тепло вернётся не скоро, впереди снегопады, морозы... Вот именно своим опустением и привлекали Сергея улицы, ему казалось, что город принадлежит только ему, а редкие прохожие, попадавшиеся навстречу, даже раздражали немного: «Чего дома не сидится?..» – думал он, впрочем, вскоре уже улыбаясь своим несправедливым притязаниям.

– Какие люди и без охраны!.. – вдруг раздалось поблизости.

Наперерез ему, обворожительно улыбаясь, широко шагал Иван, недавний знакомый, с которым они неожиданно тесно сошлись и, казалось, уже испытывали друг к другу поистине тёплые чувства. Иван проявил себя очень интересным собеседником, и это в первую очередь привлекало в нём Сергея, а обаятельная внешность весомо усиливала производимое товарищем приятное впечатление. Кроме того, у Ивана была удивительная, по мнению Сергея, профессия – актёр в местном драматическом театре, и играл он далеко не последние роли. Самолюбию Сергея льстило, что у него такой, известный всему городу, друг. Тем более что сам Сергей – человек весьма далёкий от искусства, перебивающийся случайными, впрочем, довольно сносными заработками – в основном, по строительству: вкалывал каменщиком в команде вместе с такими же, как и он, крепкими ребятами. «Кирпичник» – так Сергей называл себя.

– Привет, Вань! – заулыбался он. – Да зачем мне охрана?.. У меня вон что есть! – работяга поднял здоровенный кулачище и слегка помахал им, демонстрируя мощь этого уникального орудия труда. – Давненько тебя не видел, на гастролях был, что ли?..

– Да нет, не уезжал, просто, сам понимаешь, репетиции, репетиции... Новый спектакль ставим, у меня – одна из главных ролей, можешь поздравить!..

– Ну, поздравляю!.. – Сергей протянул ладонь-лопату и слегка ответил на рукопожатие друга. – Кстати, ты куда направляешься?.. Может, зайдём ко мне, с женой, наконец, познакомлю, за жизнь поговорим. А то – возьмём бутылочку, пятница всё-таки, накатим по чуть-чуть. Как ты?..

– А что?.. – оживился Иван, заметно обрадовавшись предложению товарища. – Дома делать нечего, никто не ждёт, айда к тебе!..

Дверь открыла очень привлекательная женщина, на вид – лет тридцати пяти, не больше, хотя на самом деле она была почти на десять лет старше сожителя.

– Ириш, это мой друг Иван, – с порога представил товарища Сергей. – Прошу лю... жаловать! А вот любить – совершенно не обязательно!..

Сергей рассмеялся своей, как ему показалось, очень удачной шутке, снимая кожаную куртку и не замечая уж слишком заинтересованных, немного затянувшихся взглядов, которыми обменялись Ирина и Иван.

– Ну что застыл, дружище?.. Раздевайся!.. Может, тебе помощь нужна?.. Ну, давай, поухаживаю за тобой!..

Спустя час литровая бутылка «Пшеничной» опустела, Сергей поднял её за горлышко и, огорчённый абсолютной пустотой, вздохнул, опустил под стол. Огромная ладонь обняла печальную рюмку, Сергей заглянул в неё, внимательно изучил донышко.

– Может, я за добавкой слетаю?.. – вдруг оживился он.

– А что, это мысль!.. – поддержал товарища Иван, не отрывая выразительного взгляда от удивительно глубоких глаз хозяйки, явно отвечавших ему взаимностью.

– Ну, я сейчас!.. – поднялся Сергей и пошёл одеваться. – Не скучайте!..

– Постараемся, – многозначительно ответила Ирина.

Сергей решил не торопиться и не брать что попало в магазине, находящемся на первом этаже соседнего дома.

«Лучше схожу в «Светлячок», – подумал он, – там и ассортимент лучше и на «левак» меньше шансов нарваться...»

Идти предстояло минут пятнадцать в один конец. По дороге на Сергея нахлынули воспоминания двенадцатилетней давности, он вдруг вернулся в тот день, когда впервые увидел Ирину: зашёл с одним старинным приятелем в магазин – купить винца, да закуски, и тут – она!.. Продавщица. Красивая – слов нет!.. У Сергея дыхание перехватило, так она поразила его, вот точно – любовь с первого взгляда, самая настоящая!..

Сергей бросил на прилавок несколько купюр, положил в бумажник сдачу.

– А вот тут, пожалуйста, – номерок телефона!.. – отметив отсутствие обручального кольца, он перевернул выбитый продавщицей чек и пристально посмотрел ей в глаза.

Ирина подняла на него взгляд бездонных синих очей, мгновенно оценила привлекательность мужественного лица, волнистых русых волос, молча взяла авторучку...

Вскоре Сергей переехал к ней: сам он ютился в двухкомнатной квартире вместе с матерью, отчимом и младшим братом, а Ирина проживала в «двушке» одна...

Возлюбленная оказалась почти на десять лет старше Сергея, но это нисколько не смутило его: душа ровесников не ищет – так, кажется, говорят. Расписываться не стали – зачем, разве штамп в паспорте что-то значит?..

– Ну, как вы тут без меня?.. – едва распахнулась дверь, поинтересовался Сергей. – Заждались, небось?.. Шас, продолжим веселье!..

Он прошёл на кухню вслед за встретившей его молчаливо-серьёзной Ириной, откупорил бутылку водки, щедро плеснул в рюмки: «Будем!..» – и, не дожидаясь реакции партнёров по застолью, залпом выпил.

– Ну, чего притихли?.. – спросил он, удивлённо оглядев парочку, не откликнувшуюся на его пламенный призыв. – Кого хороним?..

Иван, продолжая внимательно изучать содержимое стоявшей перед ним тарелки, не поднял глаз, не ответил.

– Сергей... – слегка дрожа голосом, произнесла Ирина и уже более твёрдо повторила. – Сергей, извини, но... – она опять сделала небольшую паузу и наконец решилась: «Ты должен уйти. Сегодня. Навсегда».

– Что?!. – Сергей ошарашенно вытаращил глаза на подругу. – Ты чего несёшь-то?.. Почему?.. Какого...

Он перевёл взгляд на Ивана и вдруг начал понимать, что происходит; выражение его лица из удивлённого постепенно сделалось жестоким.

– Сергей!.. – театрально поднял руки, ладонями кверху, Иван. – Выслушай меня!..

Он несколько раз взволнованно вдохнул-выдохнул, собираясь с мыслями.

– Понимаю, это настолько непостижимо для тебя, настолько дико, не дай Бог кому оказаться в твоей шкуре, но, Сергей, если б ты только знал, что сейчас происходит в моей душе, ты не стал бы осуждать меня слишком строго!.. Серёж, я отдаю себе отчёт... да нет, я чувствую!.. У меня сердце кровью обливается, поверь, но... Это любовь!.. С первого взгляда!.. Ты знаешь,

что это такое?.. Ты испытывал когда-либо что-то похожее на это удивительное чувство?.. Да, я чувствую себя последним негодяем, подлецом, но ведь любовь не может быть подлой!..

Сергей слушал – и понимая, что говорит Иван, и всё ещё не веря тому, что происходит сейчас на этой кухне, на его глазах; однако, по мере продолжения монолога актёра, играющего свою очередную роль, Сергей всё более осознавал: происходящее – реальность, и, по мере осознания, в душе стремительно нарастала волна неуёмного бешенства. Не говоря ни слова, Сергей взял со стола широкий, недавно остро наточенный нож и вонзил его чуть повыше ненавистно двигавшегося кадыка. Ирина дико заорала, вскочила и испуганно забилась в угол, с ужасом глядя оттуда на Сергея, на упавшего на пол хрипящего, истекающего кровью, а чуть погодя – бьющегося в конвульсиях и, наконец, затихшего Ивана, опять на Сергея...

-2-

Девять лет общего режима – таким был приговор суда, принявшего во внимание состояние аффекта Сергея в момент совершения преступления, но не пожелавшего закрыть глаза на его алкогольное опьянение.

Потянулись долгие годы заключения...

Администрация заведения, где отбывал срок Сергей, с пониманием относилась к сексуальным потребностям заключённых, и им разрешались свидания с жёнами и подругами в специально отведённом для этого помещении. Сергей тоже встречался с женщиной – познакомились по переписке, – но скучными вечерами вспоминал чаще не о ней, а об Ирине.

Мама Сергея старалась раз в неделю проведать его, но получалось не всегда – семья, заботы.

– Мамуль, – сказал как-то раз во время их свидания Сергей, – а Ирина... спрашивала про меня?..

Мать посмотрела на сына, как на ненормального, подумав: «Сдурел, что ли?.. Как такое может быть – после всего, что произошло?..»

– Нет, Серёжа, не спрашивала...

-3-

Прошло шесть лет.

Сергей, примерным поведением и ударным трудом заслуживший условно-досрочное освобождение, шёл по благоухающему от пёстрых, цветущих клумб проспекту родного города, наслаждаясь тёплым летним вечером.

«Благодать-то какая!.. Как всё-таки классно жить на свете!.. Вот так бы бродил и бродил по городу – до самого утра!..»

Сергей вдруг обнаружил, что оказался возле дома Ирины. Ноги сами принесли его сюда, и он подумал... а почему бы и нет?.. Решительно войдя в подъезд, поднялся на третий этаж и, не раздумывая, нажал кнопку звонка.

– Здравствуй, Ира, – спокойно произнёс он, когда дверь открылась.

– Здравствуй, Серёжа, – будто не удивившись нисколько, ровно ответила Ирина.

– Вот. Освободился недавно... Можно к тебе?..

– Проходи, – Ирина впустила его в квартиру и закрыла дверь.

-4-

– Здравствуй, Марь Васильна! – отпирая дверь в квартиру, услышала мама Сергея за спиной голос соседки, живущей этажом выше и спускавшейся по лестнице.

– Добрый день, Татьяна Николаевна, – ответила она и заботливо поинтересовалась: «Как ваше здоровье?..»

– Ох, добрее деньки бывали!.. – заулыбалась соседка. – Да как здоровье?.. По возрасту, по возрасту... Да по погоде... Васильевна! А я слыхала, сынок твой вернулся!.. Вот радость-то, а ты молчишь, нет чтоб похвастать – не грех ведь!.. Ну, и слава богу!.. Теперь вот оглядится по сторонам, присмотрит какую-нибудь, оженится, детишки пойдут... Он ведь красавец писанный у тебя!.. Или уже приглядел?..

– Так ведь... – Мария Васильевна смутилась, но решила не темнить: шила в мешке не утаишь. – Есть ведь у него... Ну, та, из-за которой всё случилось... Живут они опять вместе...

Она отворила дверь и шагнула в прихожую.

– До свидания, Татьяна Николаевна.

– До свидания... – сказала соседка в закрытую перед ней дверь.

Задумчиво постояла несколько секунд, потом вдруг очнулась.

– Ох, чудны дела твои, Господи! – покачивая головой, промолвила она и пошла своей дорогой.

*Так случилось, что, спустя год после написания этого рассказа, на одном из сайтов автор познакомился с женщиной из Израиля, которая продолжала горевать по поводу актёра из российского провинциального театра (того самого!), её любимого мужчины, зарезанного каким-то подонком по неизвестной причине.

Не губите цветы!..

Солнце нещадно припекает. Из раскинувшейся вокруг бескрайней степи ветер приносит и расшвыривает по перрону и привокзальной площади песок. Площадь – это небольшой пятёчек земли, старательно утопанный тысячами ног. В воздухе витает тоска.

На неуклюжем перроне только двое парней лет по двадцать – двадцать пять да она, Кавтора. Остальной люд прячется от жары в здании вокзала. Кавтора сидит на скамейке, облезлой от жестоких солнечных лучей и редких дождей. Парни переминаются с ноги на ногу поблизости, время от времени посматривая на красивую девушку. Скоро должен подойти поезд. Кавтора ждёт его с нетерпением и страхом: а вдруг проводник не согласится пустить её в вагон?.. Денег на билет не хватает, их у неё меньше, чем на половину стоимости проезда. А ехать надо, срочно. Пришло сообщение: серьёзно заболела мать. По словам доставившего известие, жить ей осталось недолго: речь идёт о считанных днях. Успеть бы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.